

УДК 343.13

DOI: 10.34670/AR.2023.34.88.050

Право на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективное право

Егорова Раиса Евгеньевна

Старший преподаватель кафедры специальной и автомобильной техники,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, 1;
e-mail: egorova461a@yandex.ru

Аннотация

На основе анализа теоретических аспектов концепции субъективных прав в общей теории права и в уголовно-процессуальной науке в статье предпринята попытка определить, какие специфические черты присущи праву на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективного права публичной отрасли. Подробно проанализирован вопрос о том, является ли право на разумный срок уголовного судопроизводства субъективным правом, правом человека или «основным правом». Методология исследования представлена общенаучными методами исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение и частнонаучными методами юридического исследования: сравнительно-правовым, историческим и специально-юридическим. В ходе исследования были сформулированы теоретические положения, характеризующие право на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективное публичное право. В исследовании показано, что право на разумный срок уголовного судопроизводства является отраслевым проявлением права на судебную защиту. Обязанность государства организовать и реализовать производство судебного процесса в разумные сроки, таким образом, имеет принципиальное значение для защиты прав человека. В контексте права на разумный срок конвергенция частного и публичного прослеживается отчетливо: достижение блага – разумной продолжительности уголовного судопроизводства, отвечает и интересам конкретных участников уголовного процесса, и общества в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Егорова Р.Е. Право на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективное право // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 392-402. DOI: 10.34670/AR.2023.34.88.050

Ключевые слова

Разумный срок уголовного судопроизводства, субъективные права, основные права, уголовный процесс, субъективные публичные права частных лиц.

Введение

Вокруг концепции субъективных прав в уголовном процессе ведутся многочисленные теоретические споры. В рамках данной статьи мы сконцентрируем внимание на четырех основных моментах: обсудим содержание понятия «субъективное право»; рассмотрим соотношения между объективным законом и субъективным правом, а также законным интересом и субъективным правом; исследуем проблему самого существования субъективных прав в публичных отраслях права, к которым относится и уголовный процесс; и, наконец, предпримем попытку определить, какие специфические черты присущи праву на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективному праву публичной отрасли.

Основная часть

Анализ законодательства и академической литературы позволяет констатировать присутствие категории «субъективные права» на различных уровнях юридического дискурса (правотворчество, правоприменение, доктрина) и ее глубокие исторические корни.

С XIX века дискуссия по вопросу определения понятия «субъективное право» продолжала развиваться, но консенсуса по той или иной дефиниции не возникло. Правоведы пытаются объяснить сущность субъективного права с позиций одной из трех господствующих теорий. Первая – теория воли (Савиньи, Виндшайд, Кельзен), базовый постулат которой – «иметь право» означает «иметь право осуществлять власть». В данной теории сила воли – это исключительный контроль в области, предоставленной объективным законом, т.е. субъективное право – это право юридически санкционированного волеизъявления. Вторая – теория интереса (Иеринг, Тон), в рамках которой было сформулировано наиболее распространенное определение субъективных прав: «права есть охраняемые законом интересы», где интересы понимаются как регулятивная цель или просто фактическая выгода. И третья – комбинаторная (смешанная, эклектическая) теория (Еллинек), выступает за сочетание в различных пропорциях этих двух подходов и описывает субъективное право, как «юридическую власть», которая дарована индивиду правовой системой с целью удовлетворения человеческих интересов.

Признавая существование субъективных прав, юристы ведут полемику относительно их места в правовой системе: является ли субъективное право первичным (врожденным, естественным) или производным (продуктом верховенства объективного права)? В доминирующем сейчас позитивистском контексте преобладает тезис о логическом первенстве и хронологическом приоритете объективного права (закона): субъективные права существуют лишь в пределах, которые очерчиваются различными нормами права и на условиях, установленных ими [Юношев, Жирова, Убасев, 2019, 51]. Так, по мнению Е.А. Лукашевой, «субъективное право, как юридическая категория означает выраженные в *норме права и закрепленные в ней* (курсив – наш): свободу поведения индивида в границах, установленных нормой права; возможность для индивида пользоваться определенным социальным благом; полномочие совершать определенные действия и требовать соответствующих действий от других; возможность обратиться в суд для защиты нарушенного права» [Лукашева, 1996, 35]. Аналогичным образом рассуждает и Н.И. Матузов, утверждая, что «субъективное право – это *создаваемая и гарантируемая государством через нормы объективного права* (курсив – наш) особая юридическая возможность...» [Бакулина, 2017, 151]. Таким образом, объективное право очерчивает поле, внутри которого беспрепятственно должно осуществляться влияние воли

субъекта субъективного права для удовлетворения его интереса. Признание субъективных прав влечет за собой обязанность государства обеспечить реальное удовлетворение тех возможностей, которые входят в структуру субъективного права: пользоваться социальным благом, активно действовать для удовлетворения своего интереса или отказаться от действия, требовать должного поведения от обязанного лица; прибегать к мерам защиты.

Понятия субъективного права и интереса нельзя ни радикально противопоставить, ни полностью отождествлять. Право и интерес имеют общую область: хотя не всякий интерес обязательно соответствует субъективному праву, но признание всякого субъективного права предполагает в его основе наличие интереса.

Ряд исследователей, признавая существование субъективных прав, относят их исключительно к сфере частного права, вообще отрицая существование публичных субъективных прав, либо рассматривая их как распространение отдельных частных субъективных прав на публичную сферу [Токарев, 2020, 70]. Иеринг, например, писал, что есть законы, которые защищают наши интересы, не предоставляя нам прав – административные и уголовные законы защищают нас, но не в форме присущего нам права [Иеринг, 2006, 407-413].

Зарождение идеи о субъективации публичного права связывают со ставшим классическим трудом Г. Еллинека «Система субъективных публичных прав» (1892), в котором немецкий ученый обосновал необходимость отграничивать субъективные частные и субъективные публичные права. Он считал, что закон направляет, ограничивает первоначальную свободную волю людей, это «система возможностей воли». Данная идея работает для построения системы частного права, где необходимо уравнивание конкурирующих равноценных волей: свобода воли состоит в возможности делать то, что не причиняет вреда чужой воле, и закон, объективное правило, определяет эту границу, понимаемую как равновесие. Но если публичное право отличается от частного права тем, что обретает свою дисциплинарную автономию в идее господства, то идея воли в публичном праве не может быть балансирующей, поскольку единственная воля, которая может господствовать – это воля государственного лица. Далее Еллинек задается вопросом: как следует трактовать термин «публично-правовые отношения»? Для решения этой проблемы ученый выдвигает и обосновывает теорию о самоограничении государства: воля индивида не может быть противопоставлена чистой воле господства государства, однако воля личности может мыслиться как юридически способная остановить волю государства, когда речь идет об охране той сферы ее интересов, которой государство себя ограничивает.

Таким образом, исходя из рассуждений Еллинека, в самом общем смысле публичные права частных лиц – это указание на способность лица требовать определенного поведения от власти в качестве юридической обязанности по отношению к обладателю указанного права либо ожидать от органов государственной власти соблюдения закона.

Идеи Еллинека о существовании субъективных публичных прав получили развитие в трудах зарубежных и отечественных правоведов: Дюги, О. Майера, Л. Мари, Г. Мейера, А.И. Елистратова, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, Г.Ф. Шершеневича, Г.В. Мальцев, Ю.Н. Старилова и др.

Из множества подходов к понятию субъективных публичных прав, предложенных российскими правоведом, остановимся на определении, предложенном А.Б. Зеленцовым. Ученый исходит не из теории воли или интереса, а из факультативной способности делать или не делать и рассматривает субъективное публичное право как «установленную и гарантированную законом возможность действовать определенным образом ради достижения

определенного блага, которая выражает меру и вид допустимого поведения в сфере публичного управления и дозволение требовать соответствующего поведения от правообязанного субъекта» [Винницкий, 2018, 58]. Конкретизируя указанное определение, А.В. Винницкий отмечает, что субъективное право реализуется в публичном правоотношении, складывающемся между частным лицом и публичным субъектом [Зеленцов, 2012], причем направлено на достижение синкретичного интереса – и публичного и частного.

Применительно к уголовно-процессуальной сфере А.С. Александров в своей монографии «Диспозитивность в уголовном процессе» ставит весьма интересный вопрос: следует ли разграничивать понятия «процессуальные права» и «субъективные публичные права»? Ученый вначале дает утвердительный ответ, обосновывая свою позицию следующим образом. Признаком субъективного права, будь то частное или публичное, является диспозитивность, т.е. возможность распоряжаться своим правом для удовлетворения процессуального интереса, которая связана с состязательностью. Исходя из того, что состязательность предполагает отстаивание каждой из сторон конфликта своей позиции и интересов перед лицом независимого и беспристрастного суда, участники следственного вида уголовного процесса, по мнению А.С. Александрова, наделены преимущественно процессуальными правами, а стороны состязательного уголовного судопроизводства – субъективными публичными правами. Состязательная форма процесса фактически реализуется лишь в суде, а на досудебных стадиях у участников процесса практически нет субъективных прав, но есть права уголовно-процессуальные, которые следует расценивать как средства решения задач уголовного процесса. Впрочем, профессор делает оговорку: на досудебных стадиях уголовного процесса субъективными, а не процессуальными правами будут являться те права, реализация которых гарантирована возможностью судебного обжалования. В обосновании своей мысли ученый приводит пример с фактической невозможностью реализации обвиняемым своего права на защиту на досудебных стадиях в форме отказа [Александров, 1997, 74-80].

Мы согласны с тем, что на практике отказ от защитника на досудебных стадиях *de facto* невозможен, поскольку неучастие защитника с большой долей вероятности приводит к признанию показаний обвиняемого, подозреваемого недопустимым доказательством (п.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Вместе с тем, с юридической точки зрения, возможность отказаться от защитника прямо предусмотрена законом – ч. 1 ст. 52 УПК РФ, однако это право отказа ограничено – отказ от защитника не обязателен для уполномоченного лица, и невозможен в случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ. В приведенном примере речь скорее должна идти не об отсутствии диспозитивности и/или состязательности, а о неправомерном поведении лица, проводящего предварительное расследование, выражающегося в принуждении участника уголовного процесса к реализации права.

Отметим, что идея об объеме власти над правом как критерия разграничения далеко не нова, однако традиционно этот критерий используется для отделения частного субъективного права от публичного. Начиная с работ Г. Еллинека, эта мысль получает развитие в трудах Б.А. Кистяковского, В. Случевского, Р.Е. Гукасяна, А.И. Елистратова. Считается, что для субъекта частнопроводимых отношений, существующих в формате личность–личность, характерен более широкий объем власти в сфере распоряжения своим субъективным правом, в частности, возможность передачи, отказа, действия, требования и предотвращения нарушения. Для невластного субъекта публично-правовых отношений, существующих в формате личность–государство, распоряжение своим правом возможно, самое большее, в форме отречения.

А.С. Александров, используя указанную аргументацию и высказывая сомнение в наличии у

субъективного права многоэлементной сложной структуры, приходит к выводу, что в уголовном процессе следует говорить не о субъективных правах, а о субъективных правопритязаниях как конкретно-активных «требованиях, вытекающих из субъективного права» [там же, 82-83]. Соответственно процессуальные права – «это субъективные публичные правопритязания субъектов уголовного судопроизводства» на вынесение судом «правильного решения, обладающего установленною законом правовой силой» [там же, 83-85]. Далее ученый, на наш взгляд несколько непоследовательно, уже говорит о процессуальных правах как субъективных публичных правах в форме правопритязаний, т.е. конкретных средствах и способах, посредством активного использования которых, субъект уголовного процесса достигает своей процессуальной цели [там же, 89]. Таким образом, не совсем ясно, разграничивает ли все-таки А.С. Александров понятия «процессуальные права», «субъективные публичные права» и «субъективные правопритязания» и где конкретно проходит демаркационная линия. Полагаем, что данный вопрос имеет лишь теоретический интерес, но не практическое значение.

Полагаем более взвешенным подход Л.В. Головки, согласно которому уголовно-процессуальные правоотношения включают в себя субъективные права и юридические обязанности частных лиц, властные полномочия публичных субъектов и профессиональные правомочия лиц, оказывающих частным лицам юридическую помощь [Головка, 2017].

Ученые-процессуалисты относительно субъективных прав в уголовном процессе, в целом, придерживаются классического для общей теории права подхода и рассматривают их как неразрывную взаимосвязь четырех выше обозначенных элементов: пользование благом, право действия/бездействия, право требования и право на государственную защиту [Масленникова, 2018].

Специфика субъективных публичных прав зависит от характера юридической связи индивидуума с публично-властным субъектом, т.е. от преобладающего метода регулирования общественных отношений, предмета, функций и принципов конкретной отрасли права. Какие же специфические черты можно определить в праве на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективном праве публичной отрасли?

Пленум Верховного Суда РФ признает право на разумный срок уголовного судопроизводства неотчуждаемым и непередаваемым. Законодатель не связывает владение указанным правом со статусом участника уголовного судопроизводства – право на компенсацию имеют также «в предусмотренных федеральным законом случаях другие заинтересованные лица, при нарушении их права на судопроизводство в разумный срок» (ч. 1 ст. 1 Федерального закона 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок ...»). К таковым лицам, в частности, можно отнести пострадавших, лиц, в отношении которых ведется проверка, лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Рассматривая право на разумный срок уголовного судопроизводства в международном контексте, отметим, что во Всеобщую декларацию прав человека 1948 года указанное право включено не было, и, соответственно к «первому поколению» прав отнесено быть не может. Впоследствии мировое сообщество, стремясь признать трансформацию правовых ожиданий индивидов, вытекающую из развития новых форм взаимоотношений между ними и государством, сначала включило в перечень прав «второго поколения» право арестованного или задержанного по уголовному обвинению на судебное разбирательство в течение разумного срока (ч. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах),

конкретизировало его в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, установив право каждого на справедливое и публичное разбирательство в течение разумного срока независимым и беспристрастным судом. Таким образом, рассмотрение судебных дел в разумные сроки становится международным обязательством, которое государство берет на себя, одобряя вышеупомянутые международные документы и делая их частью нашего внутреннего права.

Включение права на разумный срок в международные стандарты прав человека, порождает вопрос о том, является ли анализируемое право просто субъективным правом, правом человека или «основным правом»? Сложность ответа на данный вопрос проистекает из того, что в теоретических исследованиях и правоприменительной практике различие между этими понятиями зачастую не осознается, а общепризнаваемые критерии разграничения пока не выработаны. Кратко охарактеризуем основные теоретические моменты.

Концепция прав человека берет свое начало в доктрине естественного права, согласно которой индивид может обладать правами только исходя из его исключительной индивидуальности, а не в силу какой-либо установленной законом принадлежности, эти права (или их часть) являются «естественными правами человека». Таким образом, ключевая идея указанной доктрины в том, что существуют естественные, врожденные права человека, которые предшествуют любому позитивному правовому порядку, и зародилась она как противовес абсолютной власти монарха. Относительно «естественного права», критика какое-то время была единодушной, хоть и с разными аргументами: понятие прав личности немыслимо вне рамок государства (Еллинек, Кельзен) или общества (Дюги), соответственно детерминирование понятия «права человека» из изолированного индивидуума, не имеющего сношений с другими, нежизнеспособно. Утверждая первенство права человека над властью государства, это учение, конечно, позволяло обосновывать негативные обязательства государства (права-свободы), но, с другой стороны, не позволяло аргументировать наличие позитивных обязательств (социальные права), которые также ложатся на плечи современного государства.

Определений прав человека бесконечное множество. Многие авторы подчеркивают, что это те, которые присущи индивидууму от рождения просто в силу человеческой природы, а не являются уступкой политического сообщества (концепция естественного права); что именно они определяют в каждый исторический момент те требования достойного существования человека, которые должны быть признаны национальным и международным правопорядком, и уважаться властью. Права человека возникают и существуют независимо от правового порядка, предшествуют ему, а государственная власть обязательно должна их признавать, если не хочет утратить свою легитимность. В основе концепции прав человека лежит понятие человеческого достоинства, которое является высшей ценностью любой политической системы и, следовательно, онтологической предпосылкой всех основных прав.

Основные права – это те права человека, которые воплощены в действующем позитивном праве, как правило, в документах высшей юридической значимости, и защищают целостное развитие личности в сообществе свободных людей. Основные права, поскольку они соответствуют в основном всеобщим ожиданиям и интересам каждого, составляют основу фактического правового равенства и зачастую именуется «конституционными».

Таким образом, понятие «права человека» имеет скорее философский и деонтологический характер, в то время как основные права – признаны и гарантируются национальным правом и международным правом в области прав человека. Впрочем, наблюдается тенденция к слиянию этих двух терминов: различия, которые традиционно подчеркивались, больше не являются

устойчивыми из-за эволюции международного права прав человека, интернационализации конституционализма и понимания того, что основа и сущность как прав человека, так и основных прав заключается в человеческом достоинстве.

Исторический анализ научных исследований, в которых авторы размышляют о правах человека и субъективных правах оставляет неоднозначное впечатление. С одной стороны, оба эти понятия казались неприемлемыми многим теоретикам права. С другой, создается впечатление, что употребление данных терминов зависело не от сущностных различий, а от того, в рамках какой научной школы автор вел исследование – приверженцы юридического позитивизма говорят о субъективных правах, последователи школы естественного права – о правах человека. Одни авторы считают, что субъективные права являются не более и не менее чем индивидуальными прерогативами, происходящими из объективного права, другие полагают, что они ведут свое происхождение из естественного права, которое налагается на право объективное, третьи воспринимают эти термины синонимично. В настоящее время активно развивается теория о том, что между правами человека и иными категориями прав существует важное различие, однако методологический аппарат данной теории еще не в силах предложить четкие обоснование и критерии этого различия.

Одной из немногих научных работ по данной тематике является статья Л.Т. Глухаревой, в которой предлагается теоретическое определение основных прав как всех тех субъективных прав, которые универсально принадлежат всем человеческим существам, вне зависимости от их статуса и способности действовать, закрепленных правовой системой. Таким образом, следуя законам логики, все основные права – субъективные, но не все субъективные права – основные [Глухарева, 2009]. Такой подход нам представляется наиболее корректным. Однако он не дает ответа на вопрос, как вычленить из общего массива субъективных прав те, которые являются основными. Л.Т. Глухарева формулирует семь критериев по которым такое «вычленение» возможно: (1) санкционирование в особых юридических документах (конституциях и международных актах); (2) защита первоосновы жизнедеятельности индивидуума; (3) универсальность обладания; (4) несимметричный характер, т.е. отсутствие встречных прав и обязанностей; (5) возникновение и существование безотносительно юридических фактов; (6) реализация в рамках общерегулятивных, а не конкретных правоотношений; (7) это защитный инструмент индивидуума в его отношениях с государством [там же]. Позиция Л.Т. Глухаревой представляет определенный интерес, однако сама автор говорит об определенной ее недоработанности и условности.

Итак, используя теоретические разработки Л.Т. Глухаревой и вышеприведенные рассуждения о праве на разумный срок уголовного судопроизводства, предпримем попытку оценить данное право с позиции отнесения к основным (конституционным) правам человека.

В международных актах данное право получило формальное признание. Обращаясь к Конституции РФ, мы видим, что право на разумный срок уголовного судопроизводства непосредственно не закреплено, однако правовой наукой [Полухин, 2015] и Конституционным судом [Право на доступ..., www] признается взаимосвязь права на разумный срок и конституционных прав на судебную защиту (ст. 46) и на доступ к правосудию (ст. 52). Конституционным судом РФ право на доступ к суду расценивается как элемент права на судебную защиту. Это право позитивного статуса, т.е. обязывающие государство к действиям по созданию условий для реализации.

Право на судебную защиту и право на доступ к правосудию входят в так называемое «твердое ядро» прав, т.е. не подлежат ограничению (ст. 56 Конституции РФ). Полагаем, что

право на разумный срок уголовного судопроизводства, в силу неразрывной взаимосвязи с вышеуказанными правами так же не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах.

В данном контексте представляется интересным понимание зарубежными исследователями права на разумный срок судопроизводства как имплицитного проявления надлежащей правовой процедуры [Teleki, 2021]. Если надлежащую правовую процедуру рассматривать как установленный нормами уголовно-процессуального законодательства порядок проведения расследования и последующего рассмотрения дела в суде в рамках определенных сроков, установленных для различных фаз процесса, то изменение в установленном законом порядке процессуальных сроков (к примеру, их уменьшение, вызванное введением чрезвычайного или военного положения) не является ограничением права на разумный срок уголовного судопроизводства. Более того, именно право на разумный срок уголовного судопроизводства, как одно из проявлений права на разумность процессуальных действий и решений, позволяет найти баланс между требованиями скорости и соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, провести черту между дискреционным и произвольным в уголовном процессе. Именно критерий разумности отмечает пределы того, что является социально приемлемым в каждом конкретном историческом периоде: опасны как ускоренное, поспешное и небрежное судопроизводства, так и задержки в судебном процессе, поскольку способствуют кризису доверия к правосудию.

Заключение

Исходя из изложенного выше, можно сделать следующие выводы:

В отличие от имущественных (патримониальных, экономических) прав, в большей мере присущих гражданской отрасли, право на разумный срок уголовного судопроизводства относится к другому ценностному порядку: оно больше касается защиты личности от произвола и некомпетентности публичной власти.

Субъективное право на разумный срок уголовного судопроизводства есть возможность, предоставляемая правовой системой (регулятивный элемент), участнику уголовного процесса или другому заинтересованному лицу, действовать правомерно в определенных пределах (внутренний элемент) и требовать от властных субъектов правоотношений надлежащего поведения (внешний элемент), для удовлетворения своего интереса в разумном сроке уголовного судопроизводства, в том числе и принудительными средствами (инструментальный элемент).

Право на разумный срок является субъективным публичным позитивным правом частных лиц, опосредованно встроено в систему конституционных прав, обусловлено контекстом уголовно-процессуальных отношений и влечет за собой соответствующие обязанности государства.

Не можем поддержать тезис об отнесении право на разумный срок уголовного судопроизводства к основным правам человека. Более корректным нам представляется следующий подход. Одним из элементов основного (конституционного) права – права на судебную защиту – является право на разумный срок судопроизводства, включающее в себя право на разумный срок каждой из форм судопроизводства. Таким образом, право на разумный срок уголовного судопроизводства является отраслевым проявлением права на судебную защиту. Обязанность государства организовать и реализовать производство судебного процесса в разумные сроки, таким образом, имеет принципиальное значение для защиты прав человека.

В контексте права на разумный срок конвергенция частного и публичного прослеживается отчетливо: достижение блага – разумной продолжительности уголовного судопроизводства, отвечает и интересам конкретных участников уголовного процесса, и общества в целом.

Библиография

1. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. Нижний Новгород, 1997. 209 с.
2. Бакулина Л.Т. (ред.) Проблемы теории права и правореализации. М.: Статут, 2017. 384 с.
3. Винницкий А.В. Учение о субъективных публичных правах vs «государственно-управленческого подхода» в науке // Право и политика. 2018. № 12. С. 27-40.
4. Глухарева Л.И. Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 50-61.
5. Головкин Л.В. (ред.) Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2017. 1280 с.
6. Зеленцов А.Б. Субъективное публичное право. М., 2012. 145 с.
7. Иеринг Р. Избранные труды. СПб., 2006. Т. 2. 547 с.
8. Лукашева Е.А. (ред.) Общая теория прав человека. М.: Норма, 1996. 509 с.
9. Масленникова Л.Н. Субъективные права и юридические обязанности – внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2 (42). С. 38-46.
10. Полухин В.М. Конституционные основы принципа разумного срока в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 169-171.
11. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».
12. Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2020 № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Александра" и гражданина К.В. Бударина».
13. Право на доступ к правосудию в разумный срок в уголовном судопроизводстве. Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам (по состоянию на июль 2020 г.). URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8483/>
14. Токарев В.А. К вопросу о концепциях субъективных публичных прав в российской юридической науке начала XX в // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 4. С. 62-80.
15. Юношев С.В., Жирова М.Ю., Убасев В.В. К вопросу о соотношении понятий «властные полномочия» и «субъективные права» в российском уголовном судопроизводстве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 2. С.51-56.
16. Teleki C. Introduction to Part 2. Due Process and Fair Trial in EU Competition Law. Leiden, 2021. 393 p.

The right to a reasonable time in criminal proceedings as a subjective right

Raisa E. Egorova

Senior Lecturer at the Department of Special and Automotive Engineering,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: egorova461a@yandex.ru

Abstract

Based on an analysis of the theoretical aspects of the concept of subjective rights in the general theory of law and in criminal procedural science, the article attempts to determine what specific features are inherent in the right to a reasonable period of criminal proceedings as a subjective right of the public sector. The question of whether the right to a reasonable period of criminal proceedings

is a subjective right, a human right or a “fundamental right” is analyzed in detail. The research methodology is presented by general scientific research methods: analysis, synthesis, comparison, generalization, and special scientific methods of legal research: comparative legal, historical and special legal. During the study, theoretical provisions were formulated that characterize the right to a reasonable period of criminal proceedings as a subjective public right. The study shows that the right to a reasonable period of criminal proceedings is a sectoral manifestation of the right to judicial protection. The State's duty to organize and carry out judicial proceedings within a reasonable time is therefore of fundamental importance for the protection of human rights. In the context of the right to a reasonable time, the convergence of private and public is clearly visible: achieving the good, a reasonable duration of criminal proceedings, meets the interests of specific participants in the criminal process and society as a whole.

For citation

Egorova R.E. (2023) Pravo na razumnyi srok ugovnogo sudoproizvodstva kak sub"ektivnoe pravo [The right to a reasonable time in criminal proceedings as a subjective right]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 392-402. DOI: 10.34670/AR.2023.34.88.050

Keywords

Reasonable term of criminal proceedings, subjective rights, fundamental rights, criminal procedure, subjective public rights of private individuals.

References

1. Aleksandrov A.S. (1997) *Dispozitivnost' v ugovnom protsesse* [Dispositiveness in criminal proceedings]. Nizhny Novgorod.
2. Bakulina L.T. (ed.) (2017) *Problemy teorii prava i pravorealizatsii* [Problems of the theory of law and legal implementation]. Moscow: Statut Publ.
3. Glukhareva L.I. (2009) Sub"ektivnye prava, osnovnye prava, prava cheloveka: edinstvo i razlichiya [Subjective rights, fundamental rights, human rights: unity and differences]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Control. Law], 11, pp. 50-61.
4. Golovko L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugovnogo protsessa* [Course of criminal procedure]. Moscow: Statut Publ.
5. Iering R. (2006) *Izbrannye trudy* [Selected works]. St. Petersburg. Vol. 2.
6. Lukasheva E.A. (ed.) (1996) *Obshchaya teoriya prav cheloveka* [General theory of human rights]. Moscow: Norma Publ.
7. Maslennikova L.N. (2018) Sub"ektivnye prava i yuridicheskie obyazannosti – vnutrisistemnye faktory, opredelyayushchie tendentsii v razvitii ugovnogo sudoproizvodstva [Subjective rights and legal obligations are intrasystem factors that determine trends in the development of criminal proceedings]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of the Kutafin University], 2 (42), pp. 38-46.
8. Polukhin V.M. (2015) Konstitutsionnye osnovy printsipa razumnogo sroka v ugovnom sudoproizvodstve [Constitutional foundations of the principle of a reasonable time in criminal proceedings]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social science], 1, pp. 169-171.
9. *Postanovlenie plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 29.03.2016 № 11 «O nekotorykh voprosakh, vznikayushchikh pri rassmotrenii del o prisuzhdenii kompensatsii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyi srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyi srok»* [Resolution of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 29, 2016 No. 11 “On some issues arising when considering cases of awarding compensation for violation of the right to a trial within a reasonable time or the right to execution of a judicial act within a reasonable time”].
10. *Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.07.2020 № 37-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 3 stat'i 59, chasti 4 stat'i 61 i chasti 4 stat'i 63 Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Aleksandra" i grazhdanina K.V. Budarina»* [Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 16, 2020 No. 37-P “In the case of verifying the constitutionality of Part 3 of Article 59, Part 4 of Article 61 and Part 4 of Article 63 of the Arbitration Procedure Code

- of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited liability company “Alexandra” and citizen K.V. Budarin”].
11. *Pravo na dostup k pravosudiyu v razumnyi srok v ugovnom sudoproizvodstve. Pravovye pozitsii KS RF po otдел'nykh voprosam (po sostoyaniyu na iyul' 2020 g.)* [Right of access to justice within a reasonable time in criminal proceedings. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on certain issues (as of July 2020)]. Available at: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8483/> [Accessed 09/09/2023]
 12. Teleki C. (2021) *Introduction to Part 2. Due Process and Fair Trial in EU Competition Law*. Leiden.
 13. Tokarev V.A. (2020) K voprosu o kontseptsyakh sub"ektivnykh publichnykh prav v rossiiskoi yuridicheskoi nauke nachala XX v. [On the question of the concepts of subjective public rights in Russian legal science at the beginning of the 20th century]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 4, pp. 62-80.
 14. Vinnitskii A.V. (2018) Uchenie o sub"ektivnykh publichnykh pravakh vs «gosudarstvenno-upravlencheskogo podkhoda» v nauke [The doctrine of subjective public rights vs. the “state-administrative approach” in science]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 12, pp. 27-40.
 15. Yunoshev S.V., Zhirova M.Yu., Ubasev V.V. (2019) K voprosu o sootnoshenii ponyatii «vlastnye polnomochiya» i «sub"ektivnye prava» v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve [On the issue of the relationship between the concepts of “authority” and “subjective rights” in Russian criminal proceedings]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Vector of science of Togliatti State University. Series: Legal science], 2, pp. 51-56.
 16. Zelentsov A.B. (2012) *Sub"ektivnoe publichnoe pravo* [Subjective public law]. Moscow.